„Пров. 38"

Оттискъ изъ „Славянскихъ Извѣстій".

# О злобахъ настоящаго дня

## СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ СЛАВЯНОФИЛЬСКАГО УЧЕНІЯ.

---

Сообщеніе Генер. **А. Кирѣева** въ Славянскомъ Обществѣ
3 Февр. 1905 г.

Со времени моей послѣдней бесѣды съ вами прошло не много лѣтъ,—но совершилось многое! Я имѣю въ виду не тяжелую войну, которую мы ведемъ за тридевять земель, не ярко обрисовавшіеся наши военные и дипломатическіе недочеты и нестроенія; нѣтъ. Мнѣ бы хотѣлось побесѣдовать о новыхъ теченіяхъ русской общественной мысли и о томъ, какъ мы, славянофилы, къ нимъ относимся, какъ мы понимаемъ горькія, жгучія „злобы настоящаго дня". Мнѣ хочется отвѣтить на вопросъ, который ставится на каждомъ шагу, со всѣхъ сторонъ: „Что же далѣе? что же дѣлать? Какъ быть? Кто правъ—кто виноватъ?"

Мою бесѣду я буду вести „на свой страхъ и рискъ"; выражать я буду свои собственныя мысли, не подражая примѣру многихъ нынѣ ораторствующихъ, считающихъ себя въ правѣ говорить (легко сказать!) отъ имени русскаго народа. Отъ его имени и его именемъ можетъ говорить одинъ только Русскій Царь! Никого другого народъ нашъ на это не уполномочивалъ. Что до меня, то—какъ бывшій московскій земецъ и московскій почетный мировой судья—я имѣю такое же право говорить, если не отъ имени русскаго народа,—то о немъ, какъ и кто бы то ни было другой.

Есть минуты въ исторіи народовъ, въ которыя жизнь течетъ неудержимо быстро, проявляя великія силы, которыя могутъ быть направлены и на добро великое и на непоправимое зло. Въ такія минуты нужна удвоенная бдительность,

удвоенная осторожность въ принятіи рѣшеній (хотя бы и теоретическихъ); но нужна и рѣшимость высказать все то, что у каждаго изъ насъ на душѣ, высказать тѣ убѣжденія, которыя каждый изъ насъ продумалъ, прочувствовалъ и выстрадалъ.

Да! тяжелое, трудное время переживаетъ нынѣ Россія. Для великаго народа, призваннаго играть роль во всемірной исторіи, призваннаго сказать и свое слово міру, трудность, опасность состоятъ не въ размѣрахъ задачи, которую ему приходится рѣшать, а въ невѣрномъ, неясномъ ея пониманіи; въ томъ, что, второпяхъ, онъ можетъ выбрать для ея рѣшенія—неподходящія средства. Неясность, „шатаніе“ мысли, въ особенности мысли политической,—вотъ опасность; она, въ данную минуту,—чрезвычайна. Общество блуждаетъ какъ въ туманѣ, мечется изъ стороны въ сторону. Русская мысль помутилась! этого никогда не бывало! Вспомнимъ „смутное“ время. Трудно себѣ представить тягчайшее положеніе! И шведы, тогда еще могущественные, и поляки съ литовцами, столь искусные въ ратномъ дѣлѣ, и казаки Заруцкаго, и вѣроломные бояре, и „воры“—все грозило гибелью,—и ничто не погибло, потому, что мысль у тогдашняго русскаго человѣка была ясна и устойчива. Онъ ясно понялъ, гдѣ кривда и гдѣ правда; онъ перекрестился, ринулся въ бой и вышелъ изъ него побѣдителемъ. Да! Встрепенулся тогда православный русскій народъ, заговорила Церковь, выставила Гермогена, Діонисія, Авраамія Палицына,—народъ выставилъ ей въ отвѣтъ Минина и Пожарскаго. Престолъ былъ спасенъ, на него всею землею возведенъ юноша Михаилъ Романовъ!

Силенъ, могучъ богатырь Илья Муромецъ, твердъ въ своихъ помыслахъ и дѣйствіяхъ.. пока остается вѣренъ своимъ вѣрованіямъ... плохъ онъ становится лишь тогда, когда хитрымъ людямъ удается сбить его съ толку, уговорить его самому на себя руки наложить, самому себѣ веревку на шею надѣть. И вотъ такой именно совѣтъ даютъ намъ и теперь. Въ верхнихъ интеллигентныхъ слояхъ общества перепутались всѣ понятія, потерялось ясное пониманіе правъ и обязанностей... Россіи грозитъ опасность сорваться съ своихъ историческихъ устоевъ и пасть, промѣнявъ ихъ на основы новыя шаткія, ей несвойственныя, противорѣчащія всей ея исторіи.

Мы живемъ въ эпоху критики и переоцѣнки; и это хорошо! Слава Богу, что мы начинаемъ критиковать наши „цѣнности“, начинаемъ переоцѣнивать [illegible]иться на критику, мѣшать ей,

Библиотека СОН

могутъ лишь очень недальновидные люди, и не только не дальновидные, но еще и трусливые, не вѣрующіе въ свою „правду“. Мы, славянофилы, не боимся критики нашихъ идеаловъ, ибо вѣруемъ крѣпко въ ихъ истинность и силу. Повторяю: критика нужна, необходима; тамъ, гдѣ ея нѣтъ, нѣтъ и прогресса; но критика эта должна доказать свои преимущества, свое право на руководство мыслью своихъ согражданъ: она должна имѣть и научно-теоретическія и историческія основанія, она должна доказать, что говоритъ дѣло, что ея совѣты клонятся не къ мнимому, а къ настоящему благу Россіи, что они не противорѣчатъ неколебимымъ истинамъ, вѣкованнымъ нашей тысячелѣтней исторіею.

Отчего же происходитъ шатаніе нашей политической мысли, да и всякой, даже религіозной? Отчего мы ослабли, „измалодушествовались“? Почему твердая наша воля замѣнилась безтолковымъ, а часто и преступнымъ своеволіемъ? Потому, что мысль наша попалась въ плѣнъ, отошла отъ своихъ древнихъ, ясныхъ основоположеній, отъ своего священнаго преданія; а гдѣ нѣтъ ясно сознанныхъ, твердыхъ убѣжденій,—тамъ нѣтъ нравственной силы, нѣтъ стало-быть и сильной воли. Необходимости научно-теоретической постановки дѣла такъ называемые практическіе люди (преимущественно „западники“) не понимаютъ „Не нужно намъ вашихъ основоположеній, вашихъ теорій,—говорятъ они: ими сытъ не будешь. Дайте-ка намъ нѣчто реальное, осязаемое, полезное, дѣйте намъ поскорѣе да побольше благъ земныхъ. Вѣдь мы живемъ въ XX столѣтіи! Да и гдѣ осязаемые плоды вашихъ славянофильскихъ теорій“!—„Развѣ“, говоритъ одинъ изъ нашихъ критиковъ, славянофильство принимало участіе въ устройствѣ дорогъ, мелкихъ техническихъ школъ, кустарныхъ выставокъ? Нѣтъ не принимало“!—отвѣчаетъ онъ торжествующимъ тономъ „Да знаете ли вы, г-да славянофилы, продолжаетъ онъ, что изъ ста народныхъ учителей и учительницъ—девяносто девять и не заглядывали въ сочиненія хотя бы вашего Хомякова?!“ Хорошо доказательство! Да вѣдь чѣмъ выше теорія—тѣмъ ограниченнѣе, въ началѣ, число лицъ ее изучающихъ; она лишь впослѣдствіи дѣлается достояніемъ массъ. Такъ вся современная культура основана на Кантѣ, на его „Критикѣ чистаго разума“, а сколько нашихъ учителей и учительницъ (и не однихъ народныхъ школъ, а и много повыше) никогда и въ рукахъ ея не имѣли; но развѣ отъ этого значеніе Кантовой критики чистаго разума уменьшается?! „Польза“, пе-

редъ которою всѣ преклоняются, за которою всѣ бѣгутъ—вещь очень условная. Разсужденія нашихъ противниковъ сродни извѣстному изреченію: „пара сапогъ полезнѣе всей поэзіи Пушкина“. Конечно, для иныхъ пара сапогъ полезнѣе... и этихъ „иныхъ“ весьма много, и не въ одной только сферѣ сапожнаго мастерства, но и въ другихъ, гораздо болѣе высокихъ, между прочимъ и въ политической. Безъ теоріи обойтись нельзя, и только тѣ общественныя и государственныя учрежденія жизнеспособны, которыя твердо обоснованы теоретически и согласуются съ народнымъ геніемъ. Никто этого не понялъ лучше Хомякова и его послѣдователей, никто лучше не выяснилъ значенія органической связи между православной вѣрой и русскимъ государствомъ; никто не относился съ большею, съ внимательнѣйшею любовью къ завѣтнымъ чувствамъ и мыслямъ русскаго народа, какъ именно славянофилы. И никто изъ насъ не позволялъ себѣ относиться такъ презрительно—снисходительно, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ деспотически къ нашему бѣдному мужику, какъ многіе изъ представителей западныхъ теорій, какъ многіе изъ его самозванныхъ печальниковъ, не имѣющихъ съ нимъ, съ этимъ „мужикомъ“, ничего общаго (въ особенности въ области религіи). Люди эти готовы видѣть въ русскомъ простомъ народѣ лишь грубый матеріалъ, субстратъ для ихъ политическихъ фантазій Нѣтъ, г-да! русскій народъ не грубая, безсмысленная масса, не случайный аггрегатъ бездушныхъ атомовъ: это могущественный одухотворенный организмъ, съ которымъ всѣмъ приходится считаться.

Наши славянофильскія основоположенія извѣстны, я ихъ снова развивать не стану, а ограничусь—такова, вѣдь, и цѣль моего собесѣдованія—лишь указаніемъ на то, какъ мы относимся къ современной политической мысли, преклоняющейся передъ западнымъ конституціоннымъ укладомъ, къ стремленію ввести его въ Россію. Въ этомъ и заключается главная злоба настоящаго нашего дня.

Перехожу къ объективному разсмотрѣнію западническихъ (конституціонныхъ) идеаловъ. Я полагаю, что не выйду изъ законныхъ предѣловъ слова, касаясь вопроса о конституціи; вѣдь о ней всѣ говорятъ и даже пишутъ, прикрываясь лишь нѣкоторой условностію выраженій, которая никого уже не обманываетъ; и намъ, стало быть, можно о ней говорить откровенно.

Передъ словами „конституція“, „правовой порядокъ“ нѣкоторые умиляются, приходятъ въ телячій восторгъ, другіе—въ

бѣшенство. На тѣхъ и на другихъ слова эти дѣйствуютъ какъ-то странно—физіологически; они наводятъ на нихъ нѣкотораго рода гипнозъ. Въ дѣйствительности же, если подъ словами „правовой порядокъ“ понимать такой государственный укладъ, при которомъ **все** въ государствѣ дѣлается по закону, по праву, то конечно никто, находящійся „въ здоровомъ умѣ и твердой памяти“, не будетъ возражать противъ такого порядка; но теперь это выраженіе получило для обѣихъ сторонъ нѣкое спеціальное, условное значеніе: для извѣстныхъ консерваторовъ—это ненавистное выраженіе означаетъ уничтоженіе столь любезнаго ихъ сердцу татарскаго произвола, который они считаютъ наилучшимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ имъ „режимовъ“, другіе видятъ въ нихъ непогрѣшимую панацею отъ всѣхъ золъ и бѣдъ, настоящихъ и будущихъ. Въ сущности, кто же изъ здравомыслящихъ людей можетъ не желать законности? кто же можетъ сочувствовать ея нарушенію, будь эти нарушители ультра-консерваторъ Іоаннъ Грозный побивающій беззащитныхъ, **неугодныхъ** ему жителей Новгорода, вышедшихъ къ нему на встрѣчу съ повинною, или парижскіе ультра-либералы, вырѣзающіе (Сент. 1792 г.) беззащитныхъ, **неугодныхъ** имъ десять тысячъ заключенныхъ въ тюрьмахъ священниковъ и дворянъ? Конечно, никто не будетъ оспаривать неоходимости установленія законности въ **государствѣ**; вопросъ лишь въ томъ, чтобы при этомъ не попасть въ такое политическое положеніе, которое окажется въ противорѣчіи съ исконными русскими преданіями, съ нашими историческими устоями. Но вотъ объ этомъ-то и забываютъ наши легкомысленные теоретики - конституціоналисты, не имѣющіе яснаго понятія, въ чемъ состоитъ, на чемъ основанъ столь настойчиво, столь насильственно-демонстративно рекомендуемый или конституціонный укладъ. Въ оправданіе ихъ можетъ быть сказано одно: причина ихъ настойчиваго требованія конституціи состоитъ главнѣйше въ **несомнѣнной** неудовлетворительности нашего положенія, нашихъ внутреннихъ дѣлъ. Жить намъ плохо, говорятъ они (и съ этимъ нельзя не согласиться), а вотъ, слышно, что тамъ, за-границей, гдѣ есть конституція — живется не въ примѣръ лучше нашего... такъ вотъ подавайте и намъ конституцію... Просто, понятно и—наивно! При этомъ требующіе „реформы“ и не заботятся справиться о томъ, согласенъ ли конституціонный строй съ желаніями и стремленіями нашего народа, согласенъ ли будетъ этотъ народъ на замѣну Царя—иными лицами, съ которыми у него (народа) очень мало общаго

(въ особенности въ пониманіи вопросовъ религіозныхъ)! Замѣчу при томъ, что этимъ господамъ и на умъ не приходитъ посмотрѣть, не находится ли въ нашемъ древнемъ русскомъ строѣ элементовъ, данныхъ, на основаніи которыхъ можно легко выработать всѣ тѣ условія, всѣ тѣ правительственныя и общественныя нормы, при которыхъ, не разрывая нашей связи съ нашей исторіей, нашими преданіями, мы можемъ устроить нашу жизнь лучше, нежели гдѣ бы то ни было. Великое древнее начало, на основаніи котораго мы можемъ, мы должны перестроить нашу политическую жизнь, состоитъ въ совѣщаніи Царя съ народомъ, въ совмѣстной ихъ (по старинному) работѣ.

Посмотримъ, въ чемъ состоитъ сущность обоихъ укладовъ: самодержавнаго и конституціоннаго, и въ чемъ они главнѣйше разнствуютъ? Разнствуютъ они въ томъ, что, въ укладѣ самодержавномъ—власть находится въ рукахъ Царя, въ конституціонномъ — въ рукахъ такъ называемыхъ „народныхъ представителей“. Въ первомъ случаѣ воля верховнаго правителя связана его совѣстью (у насъ, кромѣ того, присягой на вѣрность Православію); воля эта руководится желаніемъ добра подданнымъ, а себѣ—доброй славы; во второмъ—воля правителя слѣдуетъ рѣшенію большинства, руководимаго соображеніями практическими; спеціально—выгодами той партіи, которая въ данную минуту обладаетъ парламентскимъ большинствомъ. Между этими укладами есть, конечно, посредствующія степени; но сущность ихъ состоитъ именно въ томъ, что при монархическомъ укладѣ у правителя руки не связаны, онъ самостоятельный человѣкъ, при укладѣ конституціонномъ монархъ-правитель превращается въ символъ, въ куклу. Тотъ и другой уклады представляютъ и свои выгоды и свои опасности. Опасность монархическаго—состоитъ въ томъ, что правитель можетъ быть мало освѣдомленъ о настоящемъ положеніи дѣлъ, онъ можетъ быть лѣнивъ, ограниченъ, можетъ не ясно видѣть настоящія нужды народа; при укладѣ конституціонномъ опасность состоитъ въ партійномъ и личномъ эгоизмѣ народныхъ представителей, эгоизмѣ, замаскированномъ разными юридическими формулами и формальностями. На этомъ слѣдуетъ остановиться. Именно этотъ партійный эгоизмъ, эта торгашеская подкладка всего конституціоннаго строя и претитъ духу русскаго народа, народа—по преимуществу искателя „высшей правды“. Этотъ этическій характеръ русскаго народа, стремленіе его осуществить „правду божію на землѣ“ составляетъ характеристическую черту нашей литературы и преимущественно

нашихъ послѣднихъ великихъ писателей—Достоевскаго и Льва Толстаго [1]). Недовѣрчивое равнодушіе русскаго человѣка къ внѣшнему политическому строю, его нежеланіе „правительствовать“, „государствовать“, давно подмѣченное славянофилами, очень ярко выразилось въ недавней телеграммѣ гр. Льва Толстого одной филадельфійской газетѣ; въ ней сказался русскій человѣкъ, заботящійся не о пріисканіи политическихъ формъ, долженствующихъ обезпечить всѣмъ и каждому матеріальное благосостояніе, а о томъ главнѣйше, чтобы сдѣлать всѣхъ насъ лучшими. „Истинное соціальное улучшеніе, говоритъ гр. Толстой, можетъ быть достигнуто лишь религіознымъ и нравственнымъ совершенствованіемъ отдѣльныхъ личностей; политическая агитація, ставя передъ отдѣльными личностями губительную иллюзію соціальнаго улучшенія посредствомъ измѣненія внѣшнихъ формъ, обыкновенно останавливаетъ истинный прогрессъ, что можно видѣть во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ“. Тѣ же мысли гр. Толстой выразилъ недавно корреспонденту газеты „Manchester Guardian“. „Настоящее движеніе“, говоритъ гр. Толстой, „приняло дурное направленіе. Народу совсѣмъ не нужна конституція, и тѣ, которые агитируютъ для ея введенія у насъ, не знаютъ русскаго народа; несмотря на увѣренія агитаторовъ, что они любятъ народъ, они въ сущности о немъ и не заботятся, они просто его презираютъ (despise them)“. Совершенно вѣрно! Настоящее, не мнимое, возрожденіе, усовершенствованіе общества идетъ отъ центра къ периферіи, отъ отдѣльной нравственной личности ко всему обществу, а не обратно. Сумма личностей религіозныхъ и нравственныхъ легко найдетъ и соотвѣтствующую форму для государственнаго сожительства, форма эта выростетъ сама собою, органически. Эту истину долженъ повѣдать міру русскій народъ; въ этомъ его историческое призваніе. Но къ осуществленію его къ исполненію своей священной обязанности онъ можетъ приступить, лишь самъ поднявшись на высоту своихъ идеаловъ, лишь сознавшись и покаявшись въ своихъ несовершенствахъ, своихъ грѣхахъ, не сваливая, по обыкновенію, своей вины на другихъ, на „гнетующую среду“ на монархическій строй и т. п.,—все это вздоръ Мы сами плохи. Вотъ въ чемъ дѣло! Развѣ Ломоносовы, Пушкины, Карамзины, Грибоѣдовы, Гоголи... жили при удобнѣйшихъ условіяхъ? Далѣе замѣчу, что если, при монархическомъ укладѣ,

---

1) Къ голосу ихъ уже прислушиваются на западѣ!

народъ иногда можетъ быть отдѣленъ отъ своего Государя бюрократическимъ средостѣніемъ, то при конституціонномъ—онъ непремѣнно и всегда отдѣленъ отъ народа средостѣніемъ парламента.

Вопросъ о формѣ правленія во всякомъ случаѣ не изъ простыхъ, а между тѣмъ—всякій берется за его рѣшеніе! Спросите у кого либо изъ многочисленныхъ лицъ его „рѣшающихъ", какъ нужно выдѣлывать хорошее мыло или хорошее сукно? Если онъ не спеціалистъ въ этихъ отрасляхъ техники, онъ вамъ отвѣтитъ: Не знаю, спросите у спеціалиста. А спросите у него же, кто бы онъ ни былъ—врачъ, студентъ, адвокатъ, землемѣръ, курсистка, гимназистъ старшаго класса. какъ нужно управлять Россіею. какой политическій строй наиболѣе соотвѣтствуетъ ея историческимъ преданіямъ и т. п.?.. онъ, ни чуть не сомнѣваясь въ своей безусловной компетентности, отвѣтитъ вамъ: „Очень просто, упраздните самодержавіе (вѣдь мы давно это рѣшили) и передайте управленію Россіею мнѣ и моимъ единомышленникамъ Вотъ и все"! Въ дѣйствительности однако дѣло оказывается далеко не столь элементарно-легкимъ. При извѣстныхъ условіяхъ, какъ указываетъ исторія, отобрать власть у Монарха не трудно, но очень трудно найти человѣка (или учрежденіе), которому весь народъ русскій повѣрилъ бы такъ-же, какъ онъ вѣритъ (и еще крѣпко вѣритъ) своему Государю. При рѣшеніи этого практическаго вопроса мнѣнія очень расходятся; многіе, едва ли не большинство, говорятъ: Да мы и не думаемъ сразу упразднять самодержавіе; мы, вотъ, хотимъ только ввести то-то и то-то, установить такія-то условія, усилить такія-то „гарантіи" для лучшаго функціонированія правительственнаго организма и т. п. Но вѣдь это подробности, дѣло не въ нихъ; дѣло въ рѣшеніи вопроса принципіальнаго. Для того чтобы столковаться (а столковаться очень нужно), слѣдуетъ поставить дѣло ребромъ! Далѣе въ жмурки играть нельзя, нужно знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло, кто свои—и кто чужіе; необходимо, чтобы мнѣнія обрисовались и при томъ совершенно опредѣленно. Нужно знать, кто чего хочетъ—связаннаго или не связаннаго Царя! Такъ и нужно ставить вопросъ, не виляя, такъ его всегда и ставили славянофилы Связаннаго царя мы не хотимъ, но хотимъ зрячаго и свободнаго отъ какого бы то ни было средостѣнія!

Я позволяю себѣ говорить о конституціи съ нѣкоторой авторитетностію и увѣренностію, такъ какъ изучалъ ее не только по книжкѣ,—это дѣло не мудреное—а и на дѣлѣ; я видѣлъ не

только ея функціонированіе въ парламентѣ, но, что гораздо важнѣе, не разъ присутствовалъ и на избирательныхъ собраніяхъ; видалъ, какъ избираются „представители народа“; видалъ, къ какимъ непозволительнымъ пріемамъ, къ какимъ неисполнимымъ обѣщаніямъ „вѣрнаго“, гарантированнаго „благоденствія избирателей—прибѣгаютъ кандидаты на прибыльный [1]) постъ представителя: какъ, однимъ словомъ, они безбожно дурачатъ избирателей, и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ они имъ низко льстятъ. Правда, „по закону“ избирательный подкупъ преслѣдуется, но на дѣлѣ онъ процвѣтаетъ, и лишь избранники-новички попадаются въ тенета закона; опытные—всегда обходятъ ихъ благополучно! Мѣста представителей таксируются, какъ всякій иной товаръ; въ Венгріи, напр., такое мѣсто стоило (по цѣнамъ 1900 года) отъ 35 до 40 тыс. гульденовъ. Въ англійскихъ газетахъ весьма часто встрѣчаются объявленія о томъ, что избирательный комитетъ такой то партіи и такого-то округа извѣщаетъ своихъ сторонниковъ о предстоящихъ взносахъ на „избирательные расходы“; и такъ вездѣ...

Но этимъ дѣло не ограничивается: главный вредъ конституціоннаго уклада состоитъ, во-первыхъ, въ пониженіи нравственныхъ идеаловъ народа, во-вторыхъ въ томъ, что, мало по малу, и притомъ неминуемо, власть переходитъ въ руки самаго неблагонадежнаго класса людей, такъ-называемыхъ политикановъ (politicans), не связанныхъ органически съ землею, живущихъ политикой, сдѣлавшихъ изъ нея свое ремесло и постепенно вытѣсняющихъ изъ парламента порядочныхъ людей, неспособныхъ прибѣгать къ тѣмъ средствамъ, которыя доставляютъ нынѣ побѣду въ избирательной борьбѣ. Правда, въ началѣ, при установленіи конституціоннаго режима, все идетъ прекрасно; такъ было во Франціи, въ концѣ XVIII ст., такъ было въ Пруссіи, Саксоніи и другихъ нѣмецкихъ государствахъ послѣ 48 года минувшаго столѣтія, да и всюду. Благородныя рѣчи, посвященныя восхваленію свободы, патріотизма, всякихъ высокихъ идеаловъ, льются рѣкою, и всѣ радуются и умиляются.. умиляются совершенно искренно, хотя иногда—безотчетно и безпричинно. Интересныя подробности о краснорѣчіи во франкфуртскомъ парламентѣ находятся между прочимъ въ письмахъ Бисмарка къ его женѣ.

Повторяю: въ началѣ все идетъ прекрасно; но скоро высокій лирическій тонъ парламентскихъ рѣчей перестраивается на

---

1) Какія суммы были розданы депутатамъ одной Панамой!!

обыденно-прозаическій, дѣловой; въ нихъ слышится уже не поэзія, а ариѳметика, уже не высокій альтруизмъ, а самый низменный и жестокій эгоизмъ! Дѣло идетъ уже не о liberté, égalité, fraternité (формулѣ—довольно-таки нелѣпой, ибо тамъ, гдѣ есть свобода, не можетъ быть равенства, и обратно), уже не объ Italia unita или Roma-capitale, не о культурномъ величіи Германіи, не о Deutschland ueber alles! Нѣтъ.—Deutschland ueber alles и т. п. осталось во франкфуртскомъ парламентѣ и появляется въ Германіи лишь въ оффиціальныхъ рѣчахъ; теперь не то; какой-нибудь бранденбургскій аграрій говоритъ совершенно о другомъ: о томъ, напр., чтобы ни подъ какимъ видомъ законъ не дозволялъ пускать черезъ границу дешевой русской пшеницы, потому-де, что отъ этого пострадаютъ его, аграрія, доходы, хотя бы, отъ такого запрета, сильно пришлось голодать прирейнскому или силезскому фабричному. Конечно и обратно, но все въ такомъ же родѣ! При этомъ происходитъ вотъ еще какое странное явленіе. Тотъ же самый аграрій, который несомнѣнно бы посовѣстился лично притѣснить голодающаго фабричнаго, нисколько не постѣснится сдѣлать то же самое—коллективно-конституціонно, проведя этотъ столь пагубный для прирейнскаго фабричнаго законъ черезъ парламентъ. Разъ, видите ли, это притѣсненіе освящено голосованіемъ парламента, разъ оно получило „большинство“,—оно уже не притѣсненіе, а законъ, благо, это уже не эгоизмъ, а добро, это уже истина, а не несправедливость, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе всѣ мѣры, принимаемыя противъ соперника-врага, оставшагося въ меньшинствѣ, становятся суровѣе, эгоистичнѣе, безпощаднѣе. Вѣдь тутъ идетъ борьба „не на животъ, а на смерть“! Не зѣвай, „carpe diem“. Сегодня Я, Моя партія въ большинствѣ, стало-быть все, что мы ни узаконимъ, ни проведемъ черезъ парламентъ, все это будетъ уже законно, справедливо, благородно, все будетъ нравственно! Вѣдь завтра можетъ быть въ „большинствѣ“ окажутся мои враги, и тогда „vae victis“, горе намъ побѣжденнымъ! И въ парламентскомъ укладѣ нѣтъ никакого средства избѣжать этихъ враждебныхъ крайностей, этой перемежающейся лихорадки борющихся интересовъ, ибо выше парламентскаго большинства нѣтъ ничего на свѣтѣ (кромѣ впрочемъ государственнаго переворота и диктатуры). При нашемъ же (московскомъ, совѣщательномъ) укладѣ—средство есть: спасеніе—въ волѣ Царя. Онъ можетъ, онъ имѣетъ право, онъ обязанъ остановить неправое, безнравственное дѣло! Онъ можетъ взять подъ свою защиту беззащитныхъ, слабыхъ, маленькихъ людей, остаю-

щихся въ постоянномъ меньшинствѣ. Замѣчу, кстати, объ этомъ парламентскомъ большинствѣ, въ которомъ довѣрчивые люди отыскиваютъ критерій истины. Большинство это ничуть не заботится объ истинѣ, объ этическихъ началахъ; парламентское большинство выражаетъ лишь заботы о матеріальныхъ благахъ большинства; о нихъ оно даетъ вѣрное понятіе, и то не всегда; но можно ли отыскивать во мнѣніи этого большинства критерій научной или этической истины! Въ послѣднемъ своемъ проявленіи парламентское большинство—представитель—улицы. Конечно, и „улица“ имѣетъ свои права, которыя должны быть священны для правителя; но права на существованіе, по возможности обезпеченное, на возможное матеріальное и нравственное развитіе каждаго гражданина совсѣмъ не тождественны съ способностію рѣшать сложныя, глубокія этическія задачи.

Все сказанное ясно для всякаго понимающаго дѣло; все это извѣстно, все это было разъяснено много разъ; и сколько, однако, есть людей, и не только изъ неучащейся молодежи, но и изъ людей кое-что знающихъ, которые однако сочувствуютъ конституціи (столь несродной русской душѣ). Чѣмъ это объяснить? Это объясняется тѣмъ, во-первыхъ, что нашъ бюрократическій строй износился до послѣдней заплаты, до послѣдней нитки; что наши домашніе нелады, глупости, безпорядки стали по истинѣ нестерпимы, а во-вторыхъ тѣмъ, что конституціонный строй и дѣйствительно представляетъ несомнѣнныя блага, которыхъ мы до сихъ поръ лишены, и безъ которыхъ культурному обществу нельзя обходиться, какъ напр. полная гласность, возможность серіозно критиковать всѣ дѣйствія администраціи, законная свобода слова, огражденіе правъ личности... наконецъ и многія удобства экономической жизни.. Конечно, все это совершенно необходимо, и всего этого у насъ пока еще нѣтъ! Это справедливо, но совершенно несправедливо, что блага эти присущи лишь одному конституціонному строю. Въ этомъ то и состоитъ ошибка сторонниковъ (у насъ) конституціоннаго уклада. Все это, всѣ эти блага вполнѣ совмѣстимы и съ самодержавнымъ строемъ (славянофильскаго, т. е. древне-русскаго соборнаго типа). Вотъ этого-то и не понимаютъ конституціоналисты. Они разсуждаютъ такъ: „У насъ этихъ необходимыхъ благъ нѣтъ, а тамъ, гдѣ есть конституція—тамъ эти блага на лицо; стало быть, чтобы ихъ получить—намъ нужна конституція“. Ничуть! эти блага столько же совмѣстимы съ конституціоннымъ строемъ, сколько и съ монархическимъ (повторяю—соборнаго, древняго

типа). Нелѣпо предполагать что Самодержецъ будетъ мѣшать счастію своего народа, мѣшать его процвѣтанію, изъ желанія ему зла, изъ любви къ злу. Если онъ поступаетъ неправильно, дѣйствуетъ во вредъ своему отечеству, то лишь потому, что не понимаетъ его настоящихъ потребностей, не знаетъ ихъ! Все дѣло состоитъ, стало быть, въ томъ, чтобы при немъ находились истые, вѣрные русскіе люди, настоящіе представители настоящихъ нравственныхъ и матеріальныхъ нуждъ многомилліоннаго русскаго народа, которые могли бы, съ полнымъ знаніемъ дѣла, съ спокойной, чистой совѣстью дать добрый совѣтъ Царю; но вотъ этого-то именно и не признаютъ конституціоналисты. Не слѣпые консерваторы во что бы то ни стало, не революціонеры опасны Россіи, а именно конституціоналисты, въ числѣ которыхъ есть конечно не мало людей ошибающихся, но истинно преданныхъ Россіи, не менѣе насъ ее любящихъ; съ ними намъ и приходится бороться. Но для борьбы намъ необходимо выяснить нашу программу и сплотиться около нашего знамени

Одна изъ главнѣйшихъ бѣдъ Россіи та, что у нашихъ мыслящихъ людей очень неясныя, неопредѣленныя программы, что многіе изъ нихъ сами не знаютъ, къ какому лагерю, къ какому политическому направленію себя причислить; это и вноситъ непроглядный туманъ въ нашу общественную жизнь. Намъ необходимо размежеваться! Въ результатѣ окажутся двѣ главныя группы: наша—стоящая за Самодержавіе, но свободное и усиленное совѣщательнымъ голосомъ страны, и другая, ихъ стоящая за самодержавіе мнимое, связанное волею парламентскаго большинства. Но не должно забывать, что вдали отъ обѣихъ группъ стоитъ многомилионный „простой“ русскій народъ съ неясными политическими теоріями, но съ очень опредѣленными политическими симпатіями и антипатіями, съ очень опредѣленными чувствами, народъ, тоже имѣющій полное право на то, чтобы, когда обстоятельства измѣнились, и его представители имѣли доступъ къ Царю, чтобы и къ его мощному голосу Царь прислушивался. Народъ нашъ—это необходимый политическій балластъ, уравновѣшивающій ходъ нашего политическаго корабля. Ежели бы осуществилась наша мечта о возвращеніи Россіи къ самодержавію, усиленному голосомъ народа, а объ этомъ мы должны всячески стараться,—я увѣренъ, что къ намъ примкнетъ и большинство не только тѣхъ многочисленныхъ русскихъ людей, которые не разобрались еще въ своихъ политическихъ идеалахъ, но и большинство конституціоналистовъ,

въ сердцѣ которыхъ безсодержательный космополитизмъ не вытравилъ еще ни русскихъ чувствъ, ни русскихъ вѣрованій.

У насъ принято бранить бюрократовъ; правда, среди нихъ бывали отмѣнно глупые и плохіе, но плохими они дѣлаются преимущественно потому, что самый строй безконтрольно-бюрократическій никуда не годенъ Сами же бюрократы не лучше и не хуже не бюрократовъ. Надѣлъ мундиръ—бюрократъ, снялъ мундиръ, надѣлъ халатъ—помѣщикъ, земецъ, фабрикантъ, публицистъ, но въ сущности — такой же русскій человѣкъ, какъ прежде. Не то важно, бюрократъ ли онъ, или нѣтъ (вѣдь безъ бюрократіи нигдѣ не обходятся), а въ томъ, чтобы онъ былъ человѣкомъ, на честность, самостоятельность, патріотизмъ и работоспособность коего могли бы расчитывать его сограждане, и въ томъ тоже, чтобы онъ былъ постоянно контролируемъ общественнымъ мнѣніемъ, прессой.

Средостѣніе между Царемъ и народомъ, созданное столѣтней нашей бюрократіею, должно пасть, должно — несомнѣнно; но мы не хотимъ и того, чтобы создано было новое средостѣніе между нашимъ Царемъ и нами—въ видѣ какихъ либо двойныхъ или простыхъ конституціонныхъ камеръ; замѣчу при томъ, что никогда „представители“, разошедшіеся съ народомъ въ самыхъ основныхъ политическихъ и религіозныхъ понятіяхъ (а таковыми именно будутъ тѣ изъ конституціоналистовъ, которые нынѣ заявляютъ о себѣ наиболѣе громко и назойливо), не будутъ признаны русскимъ народомъ за своихъ настоящихъ, дѣйствительныхъ представителей, никогда онъ на нихъ не промѣняетъ своего Царя, какой бы онъ ни былъ. Наши конституціоналисты, принимая въ расчетъ лишь самихъ себя, лишь свои убѣжденія, готовы навязать ихъ и этой темной массѣ „необразованнаго, неинтеллигентнаго суевѣрнаго мужичья“. Но это совсѣмъ не такъ легко, какъ имъ кажется. И теперь уже слышатся въ этомъ смыслѣ довольно опредѣленныя заявленія: такъ недавно выборные двухъ фабричныхъ селъ обратились къ одному лицу, которому они очень довѣряютъ (онъ, мѣстный врачъ), и сказали ему слѣдующее: слышали мы, будто Царь хочетъ насъ отдать подъ докторовъ и адвокатовъ? Такъ этому не бывать! Форма—до нельзя простодушна и наивна, но мысль выражена совершенно ясно и опредѣленно. Это несомнѣнно мысль русскаго народа! но и мы, люди культурные, желаемъ остаться подъ властью царя и не хотимъ поступать подъ власть камеры нашихъ (мнимыхъ) представителей.

Наши политическія основоположенія извѣстны: мы убѣжденные сторонники Самодержавія, усиленнаго голосомъ народа. „Совѣтъ народу — рѣшеніе Царю“, царю—чутко прислушивающемуся къ голосу народному, вникающему въ духовныя и матеріальныя его нужды, любящему свой народъ и довѣряющему своему народу, живущему съ нимъ одной жизнью, одной вѣрой, одними чувствами и помышленіями. Такой Царь дастъ намъ и свободу слова, въ границахъ не произвола, а закона, и охрану личности, и гласность, и законность и, не разрывая органической связи между православной церковью и русскимъ царствомъ, поможетъ намъ возстановить въ нашей церкви древнюю свободу церкви древней И такой Царь дастъ намъ все, что намъ нужно!

Недавно, съ высоты Престола указомъ Сенату 12 декабря возвѣщены весьма важныя реформы, въ томъ же указѣ высказано твердое намѣреніе „сохранить незыблемыми—основанія Россійской Имперіи“. Этимъ, уповательно, устраняется самая мысль о введеніи у насъ конституціи, и это очень хорошо; но это указаніе отрицательнаго характера. Гдѣ же указаніе на сторону положительную царской мысли? Его можно усмотрѣть въ слѣд. словахъ: „Когда же потребность перемѣны оказывается назрѣвшею, то къ совершенію ея мы считаемъ необходимымъ приступить, хотя бы намѣченное преобразованіе вызывало внесеніе въ законодательство существенныхъ нововведеній“.

По указу 12 декабря введеніе намѣченныхъ въ немъ реформъ поручено бюрократіи, ея вершинѣ комитету министровъ. Будемъ надѣяться, что она сама пойметъ необходимость вести это дѣло не иначе, какъ съ помощію тѣхъ, коихъ эти реформы будутъ касаться, не иначе, какъ по тщательному совѣщанію съ ихъ представителями, свободно выбранными самими заинтересованными въ успѣхѣ дѣла, т. е. всѣмъ русскимъ народомъ, всѣми его сословіями или группами людей, изъ которыхъ онъ состоитъ (и преимущественно тѣми, которые связаны съ землею); это необходимое условіе успѣха всего дѣла! Когда-же совѣщанія эти, какъ должно надѣяться, окажутся плодотворными, то, силою вещей, они изъ временныхъ превратятся въ постоянныя.

Когда Верховная власть заявляетъ о своей готовности считаться „съ назрѣвшими потребностями“, то мы въ правѣ уповать, что осуществится наконецъ наша давнишняя славянофильская мечта; что по окончаніи войны мы увидимъ не въ отдаленномъ будущемъ—Русскаго Самодержавнаго Царя, любовно внимающаго совѣщательному голосу своего народа! Да. Мы вѣримъ, что такая

реформа совершится по волѣ Самого Царя, что настанетъ свѣтлое время совмѣстной работы Царя и народа, безъ средостѣнія между ними,—работы, основанной на обоюдной любви, на возстановленномъ обоюдномъ довѣріи. Какая задача будетъ тогда для насъ непосильна! Чего не сдѣлаетъ, чего не достигнетъ Русскій Царь, опирающійся на русскій народъ твердою ногой ставшій на путь духовной свободы и матеріальнаго преуспѣянія!

**А. Кирѣевъ.**

Павловскъ Январь 1905

Дозволено цензурою Спб 20 Февраля 1905 г

Типографія В Д Смирнова, Екатерининскій каналъ, д № 45